

О П Ы Т Ы
АЛЛЕГОРІЙ

ИЛИ
ИНОСКАЗАТЕЛЬНЫХЪ
ОПИСАНІЙ,
ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ.

Соч. Θεодора Глики.

„... Они не могутъ читать въ моемъ
сердцѣ, но прочтутъ мою книгу.“

(Монтань.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Военной Типографіи Главнаго Штаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

1826.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ
Типографіи, представлены были семь экземпляровъ
сей книги въ С.-Петербургскій Цензурный Коми-
тетъ, для препровожденія куда слѣдуешь, на осно-
ваніи узаконеній. Санктпетербургъ. Сентября
1825 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

Т. Б. П.

МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Въ огромной картинѣ шворенія, болѣе всего привлекаешь вниманіе наше челоѣкъ, со стороны его положенія въ обществѣ и особенно со стороны его *природы нравственной*, въ кошорой собственно заключается великая тайна нашего счастія. Миѣ всегда весело было чишать о людяхъ въ соспояніи днкой независимости. Я любилъ освѣжать воображеніе, переносясь въ мѣса необозримые, на берега озеръ пустынныхъ, ища повсюду слѣдовъ первобышнаго порядка міра. Я видѣлъ людей и въ жизни искусственной, ими самими изобрѣшенной, въ шѣсношѣ ихъ пыльных улицъ, угарныхъ городовъ и въ палящемъ дыханіи сшрасшей, изсушающихъ первородную свѣжесшъ души. На пространствѣ отъ Волги до Сены,

отъ Дуная до береговъ Сѣверныхъ морей, мнѣ случилось знакомиться съ человекомъ въ палахахъ и въ хижинахъ, въ тишинѣ кабинета и въ шумной грозѣ воинскаго стана. И вошъ, что было плодомъ моихъ любимыхъ наблюдений о людяхъ. Суешная привязанность къ мѣлочамъ, любовь къ видимости, стремленіе къ наружному блеску и суешливыя заботы житейскія, слишкомъ много отвлекающъ *Европейскаго человека* отъ тихихъ спокойныхъ размышлений, которыя посепенно приводятъ за собою мудрость и счастье.

Нельзя сказать, чтобы люди вообще не любили истины, но скучая всѣмъ, что представляешь видъ поучительности, и не имѣя никакого понятія о высокихъ наслажденіяхъ уединенной и созерцательной жизни, они охотнѣе предаются въпренему легкомыслію, увлекашелей разсѣянности, ловя минушу, забывая вѣч-

носшь. При шомъ же истина не всегда довольно ощушительна, чѣмъ могла бышь довольно постигнуша. А между тѣмъ, ошъ поколѣнія до поколѣнія, съ ходомъ ума, съ развишемъ гражданственности, умножася кипучее движеніе спрасей, пожеланій, суешливой волнуемости во внѣшней жизни, и болѣе и болѣе забывающся тѣ непреложныя начала, на кошорыхъ зиждется спокойное внутреннее счастье челоѣка. Въ шакомъ положеніи вещей, кажется, насшоншь необходимость, сколько можно чаще осшанавливать вниманіе людей на высокихъ истинахъ вѣры и нравственности. Но какъ сіе сдѣлашь безъ шого, чѣмъбы имъ не наскучить? Я всегда объ этомъ думаль и полагаль, что если сами люди не охотно подаются къ истинамъ, шо не худо бы подвести *рядъ истинъ* къ людямъ и показашь ихъ шакъ ясно, какъ показываютъ без-

печнымъ зрителямъ, посредствомъ опшическаго сшекла, рядъ красивыхъ явленій неосязаемыхъ, но видимыхъ и памятныхъ. Не знаю, успѣлъ ли я въ своемъ намѣреніи; но мнѣ хотѣлось составить родъ нравственной фаншасмагоріи. Я старался облечь въ одежду Поэзіи сокровеннѣйшія ощущенія, высшія истины, и давъ имъ, по возможности, цѣль и существенность, приблизить ихъ къ людямъ въ видѣ болѣе осязаемого. *Надежда, Совѣсть, мысль о духовности человека, о его безсмертіи, сія ушѣшишельная мысль, столь справедливо названная приданнымъ души человѣческой, и наконецъ самая Истина, получили какъ бы нѣкоторую шѣлесность и сдѣлались болѣе ощущишельными въ шѣхъ разнообразныхъ описаніяхъ, гдѣ заманчивость загадки (*)*

(*) Само по себѣ разумѣется, что если въ заглавіи каждой изъ сихъ аллегорій выставить

соединена съ пользою поучительно-
сти.

Вошъ цѣль предпріятія! Желалъ бы, чшобъ исполненіе хошя нѣсколько соотвѣшествовало намѣренію! Впрочемъ здѣсь предлагаешся шолько первый опытъ, и Авшоръ не смѣетъ придавать ему никакой особенной важности. Теперь, по совѣшу Особъ, досшойныхъ уваженія, предпринялъ я соединить всѣ мои иносказательныя описанія вмѣстѣ и выдашь ихъ въ свѣтъ. Я хошѣлъ-было назвашь сіе собраніе аллегорій *нездѣшними цвѣтами*. Эшо заглавіе показалось нѣсколько смраннымъ; но едва ли оно не справедливо; ибо высокія истины и красшны отвлеченной Поэзіи цвѣшущъ конечно не на здѣш-

ей значеніе, шо занимательность исчезнетъ. Но полагають надобно, что всякому читателю пріяшнѣ будетъ находить ошгадку самому, или прочишывать ее въ концѣ цѣсы.

нихъ долинахъ суеты и горесшей, гдѣ сѣмена, засѣваемые смертію, созрѣвають при зноѣ спрасшей и пожинаются плѣніемъ!

Послѣ сего я думалъ: кому бы посвятишь книжку свою? Но пусть мнѣ вспомнулось выраженіе одного Восточнаго Поэта: „чувство благодарности благовоно, какъ полная роза, и сладостно, какъ спѣлый виноградъ.“ Мнѣ захотѣлось испытать справедливость сего выраженія и — *память сердца* (*) указала — на Васъ! Такъ, Милостивая Государыня! Ваше благосклонное вниманіе въ шабѣ періодъ моей жизни, когда всякій знакъ дружелюбія приносилъ мнѣ необыкновенное утѣшеніе, налагаетъ на меня обязанность засвидѣтельствовать, какимъ-нибудь видимымъ знакомъ, мою къ Вамъ

(*) Известно, что благодарность называютъ *памятью сердца*.

признашельность. Давно ли еще Вы доставили мнѣ возможность пользоваться выгодами лучшаго общества и красотами природы, сей неизмѣнной утѣшительницы человѣка? При томъ же мнѣ всегда казалось, что Вы сами, какъ-будто одно изъ шѣхъ эфирныхъ существъ, которыхъ изображенія помѣстилъ я въ моихъ описаніяхъ. Благое Провидѣніе даровало Вамъ все: просвѣщенный разумъ, красоту, прелестное дѣтское сердце, душу возвышенную и, кажется, отпустило Васъ только погостить къ людямъ, чтобъ порадовать собою супруга, единственнаго по его нравственнымъ качествамъ; достойную родительницу; добрыхъ братьевъ; любезныхъ сестеръ; толпы бѣдныхъ, привывшихъ любить васъ какъ существо, ихъ утѣшающее; и всѣхъ, кто счастливъ Вашею милою дружбою. Блестящій, шумный, суешливый призракъ, называемый міромъ, напрасно

шрудитесь сдѣлать Васъ своею пѣлицею: душа Ваша сохранила слишкомъ живую память о лучшей спорѣ, и Вы спокойно взираете на всѣ мишурныя представленія земныя.

И такъ примите мою книжку: въ ней мало ума, мало искусственности; но Вы найдете въ ней чувства не поддѣльныя, даже не обработанныя: ихъ охладил мертвая буква, но ихъ поймешь чувствительное сердце. Люди имѣютъ богатый языкъ нужды, языкъ спросей нѣсколько бѣднѣе; но у нихъ совсѣмъ почти нѣтъ языка высокихъ духовныхъ ощущеній и такихъ неумовимыхъ истинъ, съ ихъ мелькающими ошибками, кои справедливо сравниваютъ съ тѣми таинственными сновидѣніями, кошорыя мы видимъ, помнимъ, но кошорыхъ разсказать не умѣемъ.

О П Ы Т Ы
И Н О С К А З А Т Е Л Ь Н Ы Х Ъ
О П И С А Н І Й
В Ъ П Р О З Ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Знакомая незнакомка	страни.	1.
Незнакомый знакомецъ	—	5.
Неузнанная	—	10.
Загадка	—	15.
Страшная гостья	—	23.
Полиметръ	—	26.
Непонятный союзъ	—	27.
Златоперая пшичка	—	32.
Прохожій	—	40.
Добродѣтель и порокъ	—	43.
Невѣдомая	—	56.
Нищета и роскошь (два каршины)	—	64.
Картина залива	—	68.
Внутреннее наслажденіе и свѣтская суета	—	72.
Свиданіе въ лунѣ	—	75.
Вожатый	—	79.
Завѣтное зеркало	—	81.
Два пупшика (слѣпой и зрячій)	—	86.
Прекрасное сосѣдство	—	88.
Райской цвѣпокъ	—	92.
Сатиръ и Веспалка	—	96.
Неосязаемая утѣшительница	—	97.
Три эпохи	—	100.
Неразлучный	—	103.
Крошъ и жаворонокъ	—	110.

I.

ЗНАКОМАЯ НЕЗНАКОМКА.

~~~~~

Великолепно освѣщенъ былъ пышный домъ; бронзы и мраморы дышали жизнью, чистыя алебастровыя вазы сіяли шомно, какъ звѣзды за дымомъ серебряныхъ облаковъ; въ хрустальныхъ играли свѣшлыя радуги. — Они съѣхались, Графы, Князья и Бароны, и за каждымъ свои льстецы и поклонники. Входили и прохаживались, мушчины и женщины, молодые и старые. — Все было пышность и великолѣпіе. Перлы, алмазы и яхонты горѣли въ волосахъ и въ уборахъ женщинъ. Смогря внимательно на лица, казалось, шущъ можно было увидѣшь всѣ спрашпи въ лицахъ. — Било одиннадцать. Всѣ собрались, и все какъ будшо кого-шо не доспавало! . . . . Во всѣхъ углахъ слышно было сожалѣніе, за чѣмъ *ел* нѣшъ, за чѣмъ *ел* шакъ давно не видно въ свѣшъ? . . . Много о ней говорили. Вельможи